

Л.Л. Федорова

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ ТАДЖИКСКИХ ИММИГРАНТОВ

The paper offers an investigation of Tajik immigrants' Russian speech (data from interviews). The tendency of neutralization in grammar and some other characteristics of language use are analyzed.

1. Постановка задачи

Целью настоящей работы является описание некоторых особенностей русской речи рабочих иммигрантов из Таджикистана. Поток иммигрантов из бывших республик, особенно Средней Азии, начавшийся с распадом Союза, за последнее десятилетие возрастает; число рабочих иммигрантов из Средней Азии (преимущественно из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии) достигает 600 тыс. в год (Стрельцова 2009: 62–72). Социальные причины этого явления очевидны: недостаток рабочих мест, политическая нестабильность и низкий уровень жизни в республиках. В поисках заработка не только молодежь, но и взрослое население, обычно мужчины, покидает привычную среду и отправляется в российские города, нередко меняя освоенную профессию на низкоквалифицированный труд, в надежде прокормить оставшуюся на родине семью. При этом нередко это люди, получившие хорошее образование, но вынужденные идти на любую более или менее стабильно оплачиваемую работу.

Оставив в стороне социальную сторону этого процесса, отметим, что он оказывает влияние и на русский язык. С одной стороны, в него активно вошло слово «гастарбайтер», ранее лишь цитируемое, с другой – можно наблюдать развитие особых форм русскоязычной речи, основанных на этнолекте – принятой в республике в советское время разновидности русского языка. Тогда русский язык был вторым основным языком и основательно изучался в школах, так что образованное население владело им достаточно хорошо; однако, как и всякий национальный вариант русского языка, он имел свои особенности. В настоящее время старшее поколение еще сохраняет определенные языковые навыки, но для младшего поколения возможности овладения русским языком на родине сократились: обычно молодежь поверхностно знакомится с языком от старших, местных учителей и родителей, а более основательно – уже в реальной практике в России. При этом иммигранты используют русский в ограниченных сферах – на работе, в контактах с русскими или иноязычными иммигрантами, а между собой общаются, естественно, на родном языке. Русский язык осваивается способом погружения, но таким образом нельзя овладеть языком, его грамматикой в полном объеме; некоторую поддержку оказывают курсы русского языка (Протасова & Родина 2005: 5–6).

Сталкиваясь с русским языком исконных носителей – литературным разговорным или просторечным – и с другими диалектными и этнически специфичными формами русской речи, разновидности недоусвоенного русского образуют своего рода контактный континуум (речь идет не о пиджине, а о столкновении разновидностей одного языка), поле «лингва раша», с множественными относительно устойчивыми вариантами, обусловленными исконными этническими языками. Одним из таких характерных вариантов представляется таджикский; его описанию и посвящена данная работа.

Исследователи Klein, Perdue (1997), изучавшие усвоение второго языка иммигрантами, пришли к выводу, что их языковая компетенция может быть охарактеризована как «базовое разнообразие» (Basic Variety): при достаточно хорошо освоенной лексике в

течение длительного времени грамматика может оставаться в значительной мере недоусвоенной. Представляется интересным, какие именно фрагменты русской грамматики оказываются такими стабильно слабыми местами в таджикском варианте контактного русского языка.

2. Материал исследования

Материалом для первоначального обобщения послужили записи 6 коротких интервью с рабочими иммигрантами-таджиками в г. Дмитрове Московской области, проведенных и расшифрованных студентками Дмитровского филиала Института лингвистики РГГУ Н. Рыковой и Е. Маховой¹. При всей неполноте этого материала, обусловленной ограниченностью жанра интервью и неопытностью исследователей, он дает возможность наблюдать общие черты русской речи говорящих и делать некоторые выводы о характере данного варианта русского языка.

В качестве информантов здесь представлены иммигранты, пять из которых изучали русский язык в школе в Таджикистане и прожили в России уже длительное время – от 3 до 7 лет, так что их русский язык обладает определенной степенью устойчивости; они давали в основном развернутые в монолог ответы на вопросы (записи Рыковой). Использована также одна запись диалога-интервью (Маховой) с информантом, по-видимому, ранее систематически не обучавшимся русскому языку и слабо с ним знакомым (недавно прибывшим в Москву). Вопросы интервью однотипны и касаются биографии информантов, изучения ими русского языка и их отношения к нему.

Общие характеристики информантов представлены в таблице 1:

Таблица 1

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Возраст	45 лет	19 лет	22 года	40 лет	27 лет	25 лет
Образование	Высшее, историк	среднее	среднее техническое	среднее техническое	неполное среднее	(неполное среднее)
Работа	разнорабочий	разнорабочий	грузчик	грузчик	служащий на автомойке	безработный (дворник?)
Сколько времени в России	почти 5 лет	3 года	около 5 лет	5 лет	почти 7 лет	5 дней

Общие характеристики материала – записанных текстов интервью – приводятся в таблице 2:

Таблица 2

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Длина текста в словах	363	86	102	190	68	81
Длина текста в пропозициях²	63	24	18	32	15	36
Число реплик-ответов	8	4	2	1	3	20

Тексты информантов 1-5 записаны Рыковой в привычной орфографии, с принятой разметкой пауз, отмечены лишь явные отклонения от нормативного произношения; тексты 6 информанта записаны Маховой с передачей особенностей произношения информанта, но с расстановкой знаков пунктуации. Хотя мы не анализируем произношение, мы сочли возможным сохранить оба способа представления: вместе они дают более полную картину особенностей русской речи в данном варианте.

¹ Автор выражает благодарность Надежде Рыковой и Елене Маховой за предоставленные материалы.

² Имеются в виду элементарные пропозиции, под которым понимается простое предложение с одной предикативной единицей (рабочее определение).

3. Подходы к исследованию

Анализируя собранный материал, можно пытаться описывать его в двух направлениях: во-первых, как систему того варианта языка, которым пользуются информанты, отличную от нормы, – т.е. оценивая степень их владения русским языком, лингвистическую компетенцию, – и, во-вторых, как проявление их речевого поведения, выражающегося в степени речевой свободы и уровне речевой культуры. Под речевой свободой здесь подразумевается не только и не столько отсутствие психологического напряжения в ситуации интервью, сколько способность эффективно использовать языковые знания и навыки, легкость в построении реплик-ответов в диалоге, умение строить связный текст монологов-нарративов и рассуждений. Эти аспекты речевого поведения характеризуют коммуникативную компетенцию говорящих. Оба подхода связаны между собой и в целом характеризуют особенности русской речи таджикских иммигрантов.

Лингвистическая компетенция информантов, степень их владения русским языком, несомненно, различна, но в сравнении с нормой русского языка, проявляющейся в речи его носителей, обнаруживает системные отклонения, более или менее ярко выраженные, что и позволяет говорить о некотором особом варианте русского языка у таджиков. В этом варианте обнаруживаются как черты симплификации, обусловленные недоусвоенностью нормы и грамматической интерференцией с родным таджикским языком, так и черты гиперкоррекции, показывающие некоторую неустойчивость системы и поиск грамматически верного решения.

Таким образом, описываемый «таджикский» вариант русского языка представляет собой не стабильную систему, противопоставленную грамматическим и лексическим нормам литературного русского языка, а систему, включающую ряд переменных величин, характеризующих разную степень отклонения от нормы. Если при сравнении этих отклонений двигаться от норм русского языка, соответствующих некоторым постоянным правилам употребления единиц русского языка, то можно говорить о нейтрализации этих правил, которые приобретают тем самым переменный характер (о понятии переменного правила см. Лабов 1975). Если же двигаться со стороны носителей этнолекта, то можно говорить, напротив, о степени освоения норм. Оба пути описывают систему с некоторыми переменными величинами; при описании грамматики, видимо, удобнее говорить о нейтрализации правил; при описании лексики – о степени ее освоения. В целом такие оценки позволяют заметить, какие именно правила и нормы подвергаются нейтрализации или требуют особых усилий освоения и каков диапазон отклонений.

4. Оценка лингвистической компетенции информантов

Оценивать лингвистическую компетенцию информантов можно по степени грамматической правильности речи и по уровню лексической освоенности. Мы не анализируем особенности произношения, также обусловленные интерференцией, хотя именно они, возможно, представляют наиболее явную характеристику этнолекта.

Обратимся сначала к анализу грамматической правильности.

4.1. Нарушения грамматической правильности

Грамматические ошибки информантов проявляются в употреблении неправильных форм изменяемых частей речи – существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, числительных, – а также в опущении и неправильном употреблении предлогов и нарушении синтаксических конструкций. Тем самым они могут характеризоваться по степени нейтрализации/освоения словоизменения и по синтаксической правильности/связности.

4.1.1. Словоизменение существительных

В словоизменении существительных у информантов характерна нейтрализация падежных форм – т.е. использование именительного падежа вместо косвенных падежей, даже после предлогов. Так, говоря о месте рождения, они часто употребляют нейтральную форму именительного падежа вместо требуемого предложного:

«Где и когда вы родились? –

1 инф.: Я/ в Таджикистан/ <...>/ в город Гесара;

3 инф.: Я родился в город Душанбе;

4 инф.: Я родился в город Душанбе/ в республике Таджикистан/ Гесарский район».

Уже эти примеры показывают вариативность употребления, т.е. переменный характер нейтрализации даже внутри одного высказывания. Возможно, влияние на нейтрализацию формы оказывает письменный стандарт анкет, требующий исходную форму топонима: он ошибочно распространяется и на некоторые гиперонимические обозначения (*город, район*), происходит их регрессивная ассимиляция приложению. Таким образом, можно предположить здесь своего рода гиперкоррекцию по образцу письменной речи, которая представляется информантам более правильной. Однако при указании дат информанты следуют разговорным образцам, и падежные формы существительных не нейтральны, хотя не всегда верны:

1 инф.: в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом года три января;

Служил армия в Казахстан / в тысяча девятьсот восемьдесят втором году / до тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году;

2 инф.: Десятого января/ тысяча девятьсот девяностого года;

3 инф.: Я родился в город Душанбе/ это Шахнарский район/ тысяча девяносто восемьдесят шестой году/ двадцать третьего августа;

4 инф.: В тысяча девятьсот девяностом году я учился/ вот/ в Воронеже;

5 инф.: я родился в Душанбе/ в Гесарском районе/ в тысяча девяносто восемьдесят втором году.

Если в них встречаются ошибки, то они показывают смешение наиболее употребительных форм – родительного и предложного падежей. Видимо, при недостаточном владении падежной парадигмой путаются наиболее усвоенные контекстно связанные формы.

Нейтрализация существительных проявляется особенно ярко, когда информанты строят текст, не опираясь на заученные формы:

1 инф.: <...> потом перешел на свой школа // Там учитель работал / и / председатель / эта / комсомола работал когда был Советский Союз;

2 инф.: Работаю здесь/ с мой отец/ хороший человек // Был учитель русским языке;

4 инф.: Даже дома с жена/ она медсестрой работает/ постоянно по русский обращаемся;

6 инф.: Работа нэт. Дэнэг нэт. Семью кормить нечего. А здесь можно работать, деньги туда кидать, семья кормить.

Как можно видеть, даже у одного говорящего нейтрализованные формы соседствуют с правильными косвенными, что подтверждает переменный характер нейтрализации, неполноту освоения словоизменения существительных. Степень нейтрализации форм существительных (не включая субстантивированные прилагательные) можно оценить количественно отношением числа нейтрализованных форм к числу форм, требующих косвенных падежей. Будем определять ее индексом нейтрализации существительных N_n .

Индекс нейтрализации существительных имеет следующие значения:

Таблица 3

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значения N_n	0,53	0,4	0,63	0,33	0	0,4

Речь 5 информанта лишена ошибок; в речи 3 и 1 информантов ошибок этого типа более половины. Процесс нейтрализации можно описать как неприменение правил управле-

ния, требующих изменения исходной формы, при построении предложения; он объясняется как экономией усилий говорящего, так и недостаточной закрепленностью речевых навыков. Он отражает стратегию симплификации.

Помимо нейтрализации наблюдается и другое явление: ошибочное употребление форм косвенных падежей. Здесь уже говорящий, ощущая необходимость изменения исходной формы, предпринимает определенные усилия по поиску правильной словоформы, но решение оказывается случайным, неправильным, например:

2 инф.: Был учитель русским языке/ – вместо: *Был учителем русского языка;*

4 инф.: ну/ я могу разговаривать на всех языком/ почти/ кроме английский.

Выбор может зависеть от влияния близких конструкций с иной моделью управления, например:

1 инф.: Нам надо изучать русскому языку/ – вместо: *изучать русский язык.* Ср.: *учиться русскому языку;*

3 инф.: по-таджикски я разговариваю вместе друзей// – вместо: *я разговариваю вместе с друзьями.* Ср.: *место друзей;*

по-русски языке/ я себе найду хлеб// – вместо: *с русским языком, (говоря) по-русски/ на русском языке.*

Эти ошибки также являются нарушениями управления, но несколько иного рода: в отличие от нейтрализации, говорящий выделяет зависимую синтаксическую позицию и пытается применить правило управления, но ошибается в выборе формы.

Иногда ошибка касается не падежа, а числа:

1 инф.: У меня один дочь и / трое мальчика / сыновей.

Можно охарактеризовать величину отклонений от правильной косвенной формы индексом отклонения D_n , определяемым по отношению к количеству необходимых косвенных форм (количество необходимых косвенных форм складывается, таким образом, из числа нейтрализованных форм, правильно употребленных косвенных форм и форм с отклонениями в выборе косвенной формы).

Таблица 4

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значения D_n	0,18	0,10	0,13	0,08	0	0

В психологическом плане эта величина характеризует неуверенность в выборе, неустойчивость навыка.

В речи информантов встречаются и отклонения другого рода – это примеры, в известном смысле противоположные нейтрализации, – употребление косвенных форм на месте нейтральных форм именительного / винительного падежа. Это явление можно было бы охарактеризовать как гиперкоррекцию, т.е. попытку применить правила словоизменения там, где они не действуют, тем самым усложнив задачу. Таких примеров не много, они встречаются лишь у первого информанта. Иногда можно предположить, что здесь дело в ошибочном выборе формы множественного числа, например:

1 инф.: У мне очень высший образования.

Менее вероятно, что это сбой синтаксической конструкции с пропуском ключевого слова, типа: *У меня очень высокий уровень образования.*

В другом случае речь также может идти о наложении иной синтаксической структуры, смешении моделей именного и глагольного управления:

1 инф.: закончил одиннадцатый класса – вместо: *по окончании одиннадцатого класса;*

Пять лет закончил института – вместо: *после окончания института;*

Нам надо изучать русскому языку – вместо: *учиться русскому языку.*

Интересно, что в этом случае ошибки не связаны с определением зависимой синтаксической позиции, а касаются именно выбора управляемой формы, которая здесь должна

совпадать с нейтральной. Отметим, что в таджикском языке существительное в позиции прямого объекта маркируется постпозитивным показателем, если обозначает определенный объект, так что выбор косвенной формы для прямого объекта в русском можно связать и с межъязыковой интерференцией.

Надо отметить, однако, что правильных косвенных форм существительных у всех информантов в 2-4 раза больше, чем неправильных, что показывает значительную степень их освоенности. Однако у некоторых информантов правильных косвенных форм все же меньше, чем нейтрализованных (1 и 3 информанты), т.е. преобладает тенденция к нейтрализации.

Имеет, видимо, смысл определить суммарное число ошибочных форм существительных по отношению к общему числу существительных в речи каждого из информантов. Обозначим его *индексом неграмматичности* существительных M_n .

Таблица 5

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение M_n	0,44	0,33	0,56	0,27	0	0,24

Итак, можно отметить, что для всех информантов, кроме одного, грамматическое поле существительных слабо освоено. Лишь речь 5 информанта лишена ошибок в формах словоизменения, что вполне объяснимо (этот информант дольше всех прожил в России – 7 лет). Однако среди остальных информантов наименьший показатель ошибок в формах существительных у 6 информанта, который имеет самые поверхностные навыки русской речи (пятый день в России и не изучал язык систематически). Возможно, его лингвистическая компетенция формируется по моделям устной речи, в которой закрепляются устойчивые блоки. Наибольшее число ошибок (около половины всех форм) у 3 и 1 информантов.

4.1.2. Словоизменение прилагательных

При анализе употребления существительных мы имели дело с ошибками управления или нейтрализацией на основе отмены управления. При анализе ошибок в формах прилагательных все оказывается сложнее, поскольку их грамматическая форма задается согласованием с существительным и, с другой стороны, вместе с существительным подчиняется правилу управления от главенствующего слова. Поэтому в использовании прилагательных наблюдаются искажения разного рода, которые можно объяснить как полной потерей согласования (и управления), так и частичной ее потерей, а также сохранением управляемой формы при разрыве согласования.

В наибольшей степени у прилагательных и других согласуемых слов (порядковых числительных, указательных, притяжательных и других местоимений в роли определенных) обнаруживается нейтрализация формы, она обычно обусловлена отменой согласования, полной или частичной. Т.е. согласование определения в роде, числе и падеже с определяемым словом может полностью отсутствовать, и определение ставится в исходной форме – мужского рода единственного числа именительного падежа – при иных грамматических характеристиках определяемого существительного:

1 инф.: У нас учителя *хороший* был/ тоже *русский*;

роль имеет *самый главный*;

3 инф.: там *разный* языки;

4 инф.: Я с детства на *русский* языке учился;

Образование у меня *хорошее*/ ну/ *среднетехнический*;

Племянница у меня *русский* тоже;

5 инф.: Ну/ вот *мой* автобиография;

Нередко нейтрализованные формы прилагательных (м.р. ед.ч. им.п.) употребляются и вместо наречий, особенно на *по-* (здесь возможны синонимические конструкции: типа *на русском* и *по-русски*):

1 инф.: Кроме таджикский/ я *узбекский* разговариваю/ и / хорошо понимаю// <...>
Иранский хорошо разговариваю;

2 инф.: немножко *сложный русский* говорить.

Будем относить подобные нарушения к нейтрализации форм прилагательного в широком смысле, условно включая в парадигму его форм и производную форму наречия.

Также будем включать сюда и другие примеры нейтрализации формы определения, выраженного числительным, требующим согласования (*один, два*):

1 инф.: У меня *один* дочь;

4 инф.: У меня/ жена есть/ *два* дочка и два сына.

Иногда наблюдаются попытки скорректировать форму определения:

1 инф.: Нам надо изучать русскому языку/ без *русский/ этого/* языка не может.

Другой случай нейтрализации – неполная, частичная нейтрализация, обычно только по падежу: сохраняется род или число определяемого слова, но падеж заменяется именительным. Например:

1 инф.: Она был из *Чувашская*;

После поставили замдиректора по *хозяйственная* часть;

Русская литература сейчас поставили.

Можно заметить, что в двух последних случаях определяемое существительное уже подверглось нейтрализации и стоит в форме именительного падежа, так что, по сути, согласование полностью соблюдено. Нейтрализация в падеже прилагательного обусловлена неправильной формой существительного (даже опущенного), нарушением управления, т.е. это ошибки вторичного характера.

В некоторых случаях (при существительных мужского рода) мы не можем судить, имеем ли дело с нейтрализацией согласования или с ошибкой, обусловленной нейтрализацией управления существительного – в обоих случаях результат должен быть одинаков, например:

2 инф.: Работаю здесь/ с *мой* отец/ *хороший* человек.

Подобные спорные случаи естественнее считать примерами частичной, а не полной нейтрализации.

Есть примеры нейтрализации, полной и частичной, обусловленные ошибкой управления при субстантивном употреблении прилагательного или наречия:

4 инф.: Во время Союза там много *русский* жили;

постоянно по *русский* обращаемся;

2 инф.: которые не знают/ я *некоторые* видел/ тому плохо.

В последнем примере присутствует также нейтрализация по числу с сохранением падежа: *тому* вместо *тем*. Это более редкий случай частичной нейтрализации.

Степень нейтрализации прилагательных может быть определена с помощью нескольких индексов: *полной нейтрализации* N_a^0 , *частичной нейтрализации* N_a^1 и *суммарного индекса нейтрализации* N_a , который показывает общее число нейтрализованных форм прилагательных (включая субстантивированные формы, а также местоимения – притяжательные, указательные – и числительные в функции определений).

Таблица 6

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение N_a^0 (полная)	0,60	0,17	0,38	0,53	0,17	1
Значение N_a^1 (частичная)	0,14	0,25	0,12	0,06	0	0
Значение N_a (суммарное)	0,74	0,42	0,50	0,59	0,17	1

Мы видим, что суммарная доля нейтрализованных форм прилагательных обычно выше, чем существительных – за счет форм полной нейтрализации. Тем самым и доля правильных косвенных форм прилагательных ниже. Преобладает тенденция использовать прилагательные в исходной форме.

Чем можно объяснить сохранение согласования при частичной нейтрализации? Возможно, оно соблюдается в устойчивых для говорящего словосочетаниях, которые он не строит на ходу в процессе порождения высказывания, а употребляет как неизменяемое целое: *русская литература, хозяйственная часть*. Интересно, что опущению в словосочетании подвергается опорное, а не зависимое слово (*из Чувашская в.м. Чувашской республики*).

Тем не менее, и устойчивые формулы могут разрушаться. Так, иногда согласование сохраняется и при неправильных косвенных формах имени, т.е. при нарушении управления:

1 инф.: до тысяча девятьсот восемьдесят *четвёртом году*!

Встречаются иногда и примеры правильных косвенных форм определений при ошибочных формах существительных, т.е. с разрывом согласовательной связи и сохранением действия управления только на определении:

1 инф.: в тысяча девятьсот шестьдесят *четвертом года*;

4 инф.: я могу разговаривать *на всех языком*.

Эти случаи демонстрируют разрушение устойчивой конструкции, сбой на ходу; в первом случае (*до ... четвертом году*) сбой происходит перед изменяемой формой порядкового числительного, во втором (*на всех ... языком*) перед существительным; они остаются ошибками управления существительных.

Но встречаются и случайные отклонения:

2 инф.: Был учитель *русским языке*.

Как и для существительных, можно определить долю косвенных форм прилагательных, употребленных неправильно вместо других косвенных форм. Учесть ее можно с помощью *индекса отклонения* прилагательных D_a :

Таблица 7

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение D_a	0,05	0,17	0,25	0,05	0	0

Величина отклонений незначительна и существенно ниже доли правильных косвенных форм. Более высокие показатели у 2 и 3 информантов, возможно, говорят о неустойчивости системы.

Итак, общее количество неправильных форм прилагательных (и других согласуемых определений) в числе всех использованных форм можно оценить *индексом неграмматичности прилагательных* M_a :

Таблица 8

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение M_a	0,66	0,47	0,50	0,31	0,13	0,67

Это довольно высокие показатели ошибок, и такие ошибки наблюдаются у всех информантов; таким образом, они характерны для «таджикского» варианта русской речи. Заметим, что эти ошибки довольно естественно объясняются интерференцией с родным таджикским языком, где прилагательные не имеют форм словоизменения (кроме степеней сравнения). Более того, в сочетании определения и определяемого используется *изафет* – конструкция, в которой показатель синтаксической связи присоединяется к определяемому, а не к определению. Лишь довольно высокий уровень владения русским языком позволяет минимизировать число ошибок в прилагательных, хотя избежать их полностью не удается даже наиболее опытному и грамотному 5 информанту.

4.1.3. Словоизменение местоимений

В употреблении местоимений в роли существительных (личных, возвратных, отрицательных, неопределенных) информанты сталкиваются с теми же трудностями управления и, в меньшей степени, согласования. Ошибки согласования появляются в анафорических заменах существительных личными местоимениями «он», «она», которые могут путаться. Например:

1 инф.: Она был из Чувашская/ там у него тоже трое детей был // После смерти мужа она приехала Россию/ и больше до сих пор я его не видел.

Здесь для местоимения женского рода в косвенных падежах используются формы мужского рода, что свидетельствует о неразличении родовых форм.

В большей мере ошибки в местоимениях относятся к управлению. Здесь возможны неправильные косвенные формы:

1 инф.: У мне очень высший образования;

мне выбрали замдиректора школа;

6 инф.: чтоб мэнэ поняла кто-то;

мэнэ обещала друг устроить на работу;

Дэнег нэт. Семью кормить нечего.

Ошибки нейтрализации форм местоимений очень редки:

2 инф.: Русский мне много что помогает – вместо: много чем или много в чем.

Эта ошибка внутри устойчивого сочетания «много что», где осложняется применение управления к местоимению.

В целом местоимения, особенно личные, освоены хорошо; это и понятно, поскольку в разговорной речи они являются одними из самых частотных словоформ.

Ошибки в местоимениях можно оценить на основе *индекса неграмматичности местоимений* M_p :

Таблица 9

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение M_p	0,33	0,20	0	0	0	0,80

Как видим, эти ошибки характерны в основном для 1 и 6 информантов.

4.1.4. Глагольное словоизменение

При анализе глагольного словоизменения обращают на себя внимание ошибки согласования по роду и числу в формах прошедшего времени. Здесь, как и у прилагательных, наблюдаются ошибки нейтрализации – замена всех форм одной, обычно исходной формой мужского рода единственного числа:

1 инф.: Она был из Чувашская/ там у него тоже трое детей был;
русские не остался там;

Возможно, на согласование глагольной формы иногда влияет нейтрализация предшествующего прилагательного.

4 инф.: Вот/ ещё/ жена дядя/ самый старший/ у него жена тоже русский был.

Интересна в этом отношении речь 6 информанта, в которой он везде употребляет формы женского рода:

6 инф.: Общалась мало. У нас в селе нет русский язык. Ну... я вот питала научиться.

Понимать поняла, но слов мало знать.

Я собиралась научиться, а не знаю, как получится.

Сама как-то научилась. Много приходится слушать и говорить, чтоб мэнэ поняла кто-то.

<...> мэнэ обещала друг устроить на работу.

Можно предположить, что модель русского языка им усвоена от женщины, и в этой

модели пока не выработалась категория рода. Так что в его речи исходная форма глагола в прошедшем времени – это форма женского рода (как и форма местоимения *сама*).

У этого информанта почти нет в речи и форм лица, он обычно заменяет требуемые формы 1 лица настоящего времени либо инфинитивом, либо формами прошедшего времени:

М. – А какие-то сложности у Вас есть?

6 инф. – Слов мало *знать*.

М. – Мало знаете слов, да?

6 инф. – Да. Понимать *поняла*, но слов мало *знать*. <...>

М. – А в дальнейшем Вы собираетесь совершенствовать свои знания?

6 инф. – Да, конэшна. *Я собиралась* научиться, а не знаю, как получится.

В целом глагол освоен неплохо. Отмеченные ошибки в согласовании можно оценить *индексом нейтрализации* рода и числа в формах прошедшего времени глагола N_v :

Таблица 10

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение N_v	0,38	0	0	0,25	0	1

Нарушения глагольного согласования отмечены у 1, 4 и 6 информантов.

Итак, обобщая рассмотренные ошибки в формах словоизменения, можно отметить, что для «таджикского» варианта контактного русского языка характерны:

1) недостаточная освоенность согласовательных категорий рода, числа, падежа в формах определений, категорий рода и числа в формах глаголов – наблюдается нейтрализация этих категорий в прилагательных и в глаголах прошедшего времени;

2) неполная освоенность словоизменительной категории падежа у существительного, выражающаяся в ее нейтрализации в управляемых формах существительных.

Другие нарушения словоизменения в общем единичны и носят более частный характер.

4.1.5. Грамматическая семантика предлогов

Особый класс грамматических отклонений связан с нарушениями в употреблении предлогов. Здесь возможны два случая: во-первых, нарушения отпредложного управления – они уже были описаны нами как ошибки словоизменения существительных и местоимений, и, во-вторых, неправильный выбор предлога или вообще его отсутствие там, где он необходим. Именно эти ошибки, связанные с грамматической семантикой предлогов, мы будем теперь анализировать. Они также характеризуют нарушение синтаксической связности в предложении.

Надо отметить, что в речи информантов встречаются разнообразные предлоги, причем обычно ошибки связаны не с редкими, а с более частотными предлогами типа «в», «на». Возможно, это объясняется наличием нескольких моделей управления у частотных предлогов, а также с особенностями глагольного управления. Можно отметить замену предлога «в» предлогом «на» у нескольких информантов.

1 инф.: *выступил на педагогический институт;*

потом *перешел на* свой школа;

4 инф.: Я русский учил когда *на* средней школа *учился;*

3 инф.: В школа до шестый класс *учился/* потом *на* колледж/ *технический колледж/* на бухгалтерия.

В последнем примере опущен глагол, управляющий предлогом «в», – *учился* или *поступил/перешел*.

Встречается также замена предлога «с» предлогом «в»:

1 инф.: Служил *армия* в Казахстан / *в* тысяча девятьсот восемьдесят втором году / до тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году.

Видимо, конструкция с предлогом «в» в датах оказывается более освоенной, и инфор-

мант сбивается на привычный вариант.

Другая характерная ошибка – пропуск необходимого предлога:

1 инф.: она приехала *Россию*;

Служил *армия* в Казахстан;

// *Пять лет* закончил института;

3 инф.: Я родился в город Душанбе/ это Шахнарский район/ *тысяча девяносто восемь-десять шестой году*;

М. – Откуда Вы приехали?

6 инф.: – *Таджикистан*.

Здесь видно, что чаще других пропускают предлог «в».

Реже отмечается обратное явление – вставка лишнего предлога, обычно «на»:

1 инф.: И каждый *на* неделю школа классы/ да/ русский языку учиться.

Ошибки в других предлогах единичны и более изощренны:

– *за* вместо *для*:

« – Сложно ли вам учить русский язык?»

1 инф.: – Не сложно/ просто надо много обращаться// Вот *за это*/ нам надо изучать русскому языку/ без русский/ этого/ языка не может// В Россия нужен;

– *за это* вместо *поэтому*:

1 инф.: Любой национальности без русский вообще не сможет // *За это* надо русский изучать;

– пропуск части сложного предлога «вместе с»:

3 инф.: по-таджикски/ я разговариваю *вместе друзей*.

Иногда при восстановлении правильной конструкции возможны варианты:

2 инф.: немножко сложный *русский* говорить/ – *на русском* или *по-русски*.

В таком случае мы будем условно считать, что ошибка связана с отсутствием предлога.

Редко встречаются нарушения порядка слов в конструкциях с предлогами:

« – А ваши дети учат русский язык?»

1 инф.: – Да/ в школе вообще *каждый в неделю/ вот/ вторник* у нас есть по русский соревнования // И *каждый на неделю* школа классы/ да/ русский языку учиться.

Здесь происходит сбой в сложных конструкциях: *каждую неделю во вторник/ по вторникам* (**каждый вторник в неделю*), *каждую неделю* (**на каждой неделе*).

В качестве общего показателя для характеристики использования предлогов можно взять степень освоения предлогов: отношение числа правильно употребленных предлогов к числу случаев, когда они должны быть употреблены. *Индекс освоения предлогов* A_{prep} имеет следующие значения:

Таблица 11

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение A_{prep}	0,71	0,86	0,75	0,93	1	0,60

Как показывают цифры, ошибки в употреблении предлогов допускают все кроме 5 информанта. Хотя их доля не велика, их также можно признать характерными для «таджикского» варианта русской речи (как, возможно, и для других этнических вариантов, поскольку грамматическая семантика предлогов всегда обладает собственной языковой спецификой и представляет трудности для усвоения).

4.1.6. Глагольные конструкции

Остановимся отдельно на ошибках в некоторых синтаксических конструкциях. Кроме уже отмеченных нарушений согласования и управления в именных формах и словосочетаниях, необходимо выделить ошибки в оформлении глагольных конструкций, без-

личных предложений:

1 инф.: Сейчас мне русский тяжело/ *чтобы* разговаривать – вместо: *сейчас мне по-русски тяжело разговаривать*;

<...> у нас русский много *был* – вместо: *у нас русского много было*;

Нам надо изучать русскому языку/ без русский/ этого/ языка *не может* // В Россия нужен – вместо: *без русского языка нельзя* или: *без русского языка мы не можем* или же: *без русского языка никто не может* (Также далее: – Любой национальности без русский вообще *не сможет*).

Последний пример показывает попытку справиться с модальным глаголом. Используемая форма 3 лица *может*, видимо, является основной и неизменяемой у 1 информанта и встречается в другом контексте:

Сейчас мне русский тяжело/ *чтобы* разговаривать// *Может* ошибка делать – вместо: *Могут* ошибки делать или *Можно* ошибки делать.

Отсутствие этого модального глагола обнаруживается и в речи 4 информанта:

4 инф.: Русский надо учить// Если не знаешь русский язык/ *не придёшь сюда/ не работаешь* – вместо: *Если не знаешь русский язык, не сможешь приехать сюда (/ не сможешь) работать*.

Но здесь это скорее ошибка лексического характера.

Интересно, что у 6 информанта как будто нет затруднений с безличными конструкциями:

6 инф.: А здесь можно работать, деньги туда кидать, семья кормить;
Много приходится слушать и говорить, чтоб мэнэ поняла кто-то.

Видимо, он строит речь на основе усвоенных блоков, хотя и не лишенных других ошибок.

В целом, из рассмотренных ошибок синтаксического характера более распространены пропуски предлогов.

4.2. Лексические нарушения

Характеризуя лингвистическую компетенцию информантов, нельзя не остановиться на лексических ошибках в их речи. Хотя лексические ошибки чаще индивидуальны, в «таджикском» варианте обнаруживаются некоторые системные нарушения в употреблении лексики.

Прежде всего, обращают на себя внимание ошибки в числительных:

1 инф.: Я / в Таджикистан /в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом года *три* января;

3 инф.: Я родился в город Душанбе/ это Шахнарский район/ *тысяча девяносто восемьдесят шестой* году/ двадцать третьего августа// В школа до *шестый* класс учился;

5 инф.: я родился в Душанбе/ в Гесарском районе/ в *тысяча девяносто восемьдесят втором* году.

Здесь дважды путаются числительные «девятьсот» и «девяносто» (причем даже у наиболее грамотного 5 информанта), порядковое и количественные числительные «третий (третьего)» и «три», возникает неправильная (с ударением на первом слоге) форма «шестый» рядом с правильной, но грамматически неуместной «шестой» (вместо «шестом»). Заметим, что и для русскоговорящих в небрежной разговорной речи характерны сбои в падежных формах числительных, но это именно грамматические, словоизменительные нарушения, а не лексические, которые свидетельствуют о слабом владении исходными формами. Часть этих ошибок объясняется звуковым и морфемным сходством (*девяносто – девятьсот*), т.е. имеют паронимический характер.

Вообще системные ошибки паронимического типа встречаются во множестве: они представляют собой подмены по фонетическому подобию, нарушающие смысл.

« – Сложно ли вам учить русский язык?

1 инф.: – Не сложно/ просто надо много *обращаться*;

<...> мне легко/ если *обращаются* на этом»;

4 инф.: У нас дома четыре брата и четыре сестра// Ну-у-у и все/ *обращаются* на русский языке;

Я на русском постоянно *обращаюсь*// Даже дома с женой/ она медсестрой работает/ постоянно по русский *обращаемся*.

Здесь везде скорее всего подразумевается «общаться» (хотя у 1 информанта возможно и правильное употребление во втором примере).

4 инф.: Если не знаешь русский язык/ не *придёшь* сюда/ не *работаешь* // – вместо: *не приедешь* (*не сможешь приехать*), *не заработаешь* (*не сможешь работать*).

Иногда это подмены возвратных глаголов невозвратными формами, но ошибки явно не грамматического типа:

« – Как ты относишься к русскому языку?»

2 инф.: *Отношу* нормально;

6 инф.: У нас в селе нет русский язык. Ну... я вот *питала* научиться – вместо: *пытался*.

Другой ряд замен – использование однокоренного глагола, но с другой приставкой или без приставки:

1 инф.: После /эта/ *выступил* на педагогический институт – вместо: *поступил*;

У нас учителя хороший был/ тоже русский/ там и таджики *давали* русский язык – вместо: *преподавали*;

4 инф.: Учился там /и-и-и *кончил* химбиологом// – вместо: *закончил* или *стал*.

Интересно, что практически все ошибки паронимической природы касаются глаголов. Есть лишь один пример замены предлога:

3 инф.: по-таджикски /я *разговариваю вместе* друзей.

Но есть и лексические ошибки другого рода, связанные с неправильным, неудачным выбором слова из ряда близких по смыслу (но не имеющих фонетического подобия):

1 инф.: <...> она тоже учительница там *учила работала*/ трудовое обучение – вместо: *преподавала, вела*;

5 инф.: После этого сразу приехал *здесь* – вместо: *сюда*;

Я русский в детском саду учил// Если не знаешь *этого*/ не с кем общаться – вместо: *его*;

« – Нравится ли вам в России?»

– *Лучше*/ чем дома// Тута свободно можешь гулять – вместо: *Больше, чем дома* (или: *Здесь лучше, чем дома*).

Парадоксальной кажется ошибка 4 информанта, вместо «тётя» употребившего слово «дядя»: при обычной нейтрализации рода у прилагательных и возможной путанице форм согласования восстановление смысла происходит только при упоминании о муже:

4 инф.: Кстати/ у меня *дядя*/ была русский// Она жила в Таджикистана/ потом её муж умер/ здесь/ в Москве// Она сейчас в сторону Астрахань живёт.

Среди отмеченных лексических ошибок одни представляются погрешностями, сбоями, допустимыми в разговорной речи и у носителей языка, обычно они не искажают общий смысл высказывания; другие – более серьёзные и явно выдают иноязычных говорящих.

Тем не менее, лексические ошибки присутствуют у всех информантов, и они, видимо, труднее устранимы, чем грамматические. Они составляют характерный пласт речевых нарушений в недоусвоенном русском.

Итак, «таджикский» вариант контактного русского языка обнаруживает ряд системных отклонений, проявляющихся в разной степени в речи его носителей. Можно говорить о зонах напряжения нормативного русского языка, которые оказываются подвержены искажениям и нейтрализации основных оппозиций; это:

1) словоизменение существительных, прилагательных, местоимений по грамматическим категориям падежа, рода и числа, а также глаголов по роду и числу;

- 2) система предлогов;
- 3) в некоторой степени система числительных.

Возможно, они уязвимы не только для таджикских информантов; однако в исследованном материале мы можем предположить как трудности самой русской грамматики, обуславливающие симплификацию, так и интерференцию с таджикской грамматикой, имеющей менее развитое именное словоизменение.

5. Оценка коммуникативной компетенции информантов

Описание лингвистической компетенции информантов еще не дает достаточно полной картины той речевой модели русского языка, которую они используют. Не менее важными оказываются «способы говорения», характеризующие коммуникативную компетенцию информантов.

Понятие коммуникативной компетенции было введено в лингвистический обиход американским исследователем Деллом Хаймзом в 70-е гг. прошлого столетия. Расширяя представления о владении языком, Хаймз отмечал, что оно не сводится только к умению порождать бесконечное множество грамматически правильных предложений, в чем заключается языковая компетенция по Хомскому. Коммуникативная компетенция подразумевает навыки эффективного использования языковых средств, знания об их распространенности, уместности и возможности применения в разных социокультурных контекстах (Hymes 1974: 93–95; Федорова 1980: 214–215), знание национально-специфических коннотаций языковых единиц, владение «миром слова», внеязыковыми сведениями о его содержании (Беликов & Крысин 2001: 145–154). Кроме того, коммуникативная компетенция отвечает за умение строить и понимать связный текст (Изенберг 1978).

Следует заметить, что все эти аспекты содержания коммуникативной компетенции обсуждались в отношении носителей языка, однако очевидно, что использование неродного языка еще более тесно ограничено социальным контекстом и связано с отношением говорящего к языку (Saville-Troike 2003: 21).

Исследовать уровень коммуникативной компетенции говорящего в некоторых ее аспектах можно по характеристикам речевой культуры и речевой свободы.

Речевая культура может проявляться, прежде всего, в грамотности, во владении разговорным стилем, в чистоте языка, в выразительности и богатстве языковых средств. Для говорящего на неродном языке наиболее значимы аспекты грамотности.

Речевая свобода говорящего на чужом языке основывается, прежде всего, на достаточных знаниях и навыках; она ощущается в легкости построения ответов, темпе речи, в употреблении развернутых высказываний, в связности речи.

Оценить эти способности на относительно малом языковом материале можно по нескольким критериям.

5.1. Оценка речевой свободы

Для оценки речевой свободы мы выберем лишь несколько критериев, более или менее доступных количественному анализу: среднюю длину пропозиции (под последней понимается простое предложение с одной предикативной единицей), связность речи, которую отчасти можно оценить и количественно.

5.1.1. Длина пропозиции

Одним из важных показателей речевой свободы можно считать относительную длину элементарной пропозиции. Даже при наличии пауз она показывает, насколько объемной может быть обычная для говорящего структура предложения; больший объем говорит о том, что говорящий выбирает более развернутые высказывания, осуществляя свой речевой замысел, т.е. более свободно владеет языком. Другое дело, насколько эф-

фактивно он им владеет – число пропозиций, содержащих ошибки разного рода, может служить характеристикой речевой культуры.

Среднюю длину пропозиции можно оценить с помощью индекса L_{pr} ; попутно отметим долю пропозиций с ошибками (грамматическими и лексическими) индексом M_{pr} .

Таблица 12

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значение L_{pr}	5,8	3,6	5,7	6,0	4,5	2,3
Значение M_{pr}	0,67	0,35	0,56	0,51	0,20	0,44

Можно ожидать, что чем больше средняя длина пропозиции, тем более свободно говорящий владеет речью. С другой стороны, длина пропозиции в диалогической речи отражает еще и интенсивность взаимодействия: пропозиции могут состоять из кратких или развернутых ответов, не повторять или, наоборот, дублировать слова вопроса – все это говорит и о степени речевой активности. Впрочем, речевая активность предполагает и речевую свободу, и расположенность к общению, а жанр интервью – психологический контакт. Поэтому длина пропозиции позволяет в известной степени оценить и речевую свободу. Так, низкие показатели указывают на преобладание нераспространенных высказываний и свидетельствуют о малой активности и ограниченной свободе, напротив, высокие могут характеризовать сдвиг от разговорности в сторону книжности. Наиболее низкие показатели (у 6 и 2 информантов) характеризуют лаконичный, рубленый стиль речи, что может говорить о недостаточной речевой свободе, а наиболее высокие (у 4 и 1 информантов) передают разговорную раскованность либо намечают признаки канцелярского стиля (более точно определить стилистический характер поможет анализ вставочных элементов).

Между значениями двух индексов у информантов 1-4 наблюдается некоторая корреляция: среди более длинных пропозиций оказывается больше содержащих ошибки, что довольно естественно. С другой стороны, соотношение индексов у 5 и 6 информантов имеет взаимно-обратный характер, указывая противоположные степени владения языком.

Индексы L и M показывают, что большинство информантов использует достаточно распространенные высказывания независимо от невысокой степени владения языковой системой (грамматикой и лексикой), т.е. от уровня лингвистической компетенции. Можно предположить, что они пользуются достаточно свободно уже стабилизировавшимся вариантом языка.

5.1.2 Связность речи

Другим показателем речевой свободы является связность речи. Для ее оценки можно использовать как формальные критерии – степень оформленности связей между пропозициями, – так и менее уловимые формальным анализом наблюдения над построением высказывания. Конечно, эти оценки не описывают исчерпывающе связность речи; можно было бы рассмотреть и другие параметры – например, долю анафорических элементов, повторов или количество и длительность пауз, – но для определения общей тенденции выбранные критерии представляются достаточными.

5.1.2.1. Пропуск слов

Наиболее ярким нарушением связности речи является пропуск слов. Эти нарушения тяготеют к ошибкам синтаксического или стилистического характера (в зависимости от типа пропуска). Для русской разговорной речи эллипсис является нормой; обычно опускаются слова, не несущие информативной нагрузки и легко восстанавливаемые по контексту. Однако пропуски слов в речи таджиков часто имеют иной характер: они разрушают целостность синтаксической конструкции:

« – Где и когда вы родились? »

1 инф.: – Я / в Таджикистан / в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом года три января /

в город Гесара.

Иногда они могут создавать двусмысленность, например:

« – Расскажи что-нибудь о себе. Где ты учился? Чем занимался?»

2 инф.: – В Душанбе/ раньше/ когда *молодой* / занимался спорт// Пока нигде не учусь// Работаю здесь/ с мой отец/ *хороший* человек// *Был* учител русским языке// Мама/ у нас/ *такая нет* как у вас говорят// Женщина на домашней работе.

Восстанавливая грамматически правильный текст, мы бы добавили пропущенные слова:

В Душанбе раньше, когда *был* молодой, занимался спортом. Пока нигде не учусь. Работаю здесь с моим отцом, *он* хороший человек. (*Он?*) был учителем русского языка. Мама у нас такая, *каких* нет, как у вас говорят. Женщина на домашней работе.

Из допустимых опущений информант использует эллипсис личного местоимения 1 лица; но когда в речь вводится 3 лицо (отец), опущение личного местоимения создает грамматическую омонимию (*Он/я? был учителем русского языка*). В другом случае опущение местоимения в сочетании с нейтрализацией форм в устойчивом обороте делает текст малопонятным (*Мама у нас такая нет*).

Могут опускаться слова, разрушающие необходимые валентные связи или поддерживающие согласование времени между пропозициями:

« – А как ты учил русский язык?»

3 инф.: – Ну/ раньше я *знал* // В колледж по-русски был/ там разный *языки* / арабский / турецкий// Я по-русски учил// Я понимаю турецкий/ а *разговаривать*/ нет// Мне нравится русский// По-русски я работаю/ *мне* кусок хлеба/ например/ а по-таджикски/ я разговариваю *вместе* друзей// Вот/ а по-русски языке/ я себе найду хлеб.

И хотя они восстановимы в контексте (раньше я *его* знал; там разные языки *были*; *это* мне кусок хлеба; по-таджикски я разговариваю (вместе) *с* друзьями), такие пропуски никогда не сделал бы носитель русского языка, кроме, пожалуй, такого случая: *Я понимаю турецкий, а разговаривать – нет* (, *не могу*) – подобное опущение возможно в разговорном стиле.

Разговорный характер имеет также неправильная конструкция с придаточным определительным в начале фразы, где перед «который» опущено соответствующее указательное местоимение:

2 инф.: хорошо/ когда/ по-русски знаешь// *которые* не знают/ я некоторые видел/ тому плохо – вместо: *тем, которые не знают – я некоторых видел, – (тем) плохо.*

Однако ошибочные формы соотнесенных местоимений (*некоторые, тому*) говорят не столько о разговорном стиле, сколько о неосвоенности конструкции.

Как видим, опускаются преимущественно слова, поддерживающие связность текста – анафорические местоимения, связочные глаголы, – они нарушают связи не только внутри предложения. Хотя встречаются и потери полнозначных слов:

1 инф.: Она был из *Чувашская*;

4 инф.: У нас дома четыре брата и четыре сестра// Ну-у-у и все/ обращаются на русский языке// У нас / ну как / *многонациональный*// Узбекский/ арабский/ турецкий/ казахский/ *киргизская*/ ну/ я могу разговаривать на всех языком/ почти/ кроме английский

Возможно, что это просто речевой сбой: *Чувашия/ Чувашская* республика; *у нас многонациональный* (дом? состав? семья?), *узбекский, арабский, <...>* (языки? родственники?) – и нужное слово не было вовремя выбрано.

Таким образом, пропуски слов в речи таджиков свидетельствуют прежде всего о недостаточной развитости грамматических механизмов связности текста и могут характеризовать уровень их коммуникативной компетенции.

5.1.2.2. Показатели связи

О степени связности речи можно судить также по наличию особых показателей связи: с

одной стороны, союзов, выражающих синтаксические отношения между предложениями и, с другой стороны, вставочных, вводных элементов разного характера. Надстраиваясь над основным текстом, они образуют своего рода метатекст, отмечающий речевые ходы говорящего. Мы называем их, вслед за А. Вежбицкой (Вежбицка 1978; Федорова 1983; 2005), метатекстовыми элементами. К ним относятся:

1) показатели логической организации высказывания – логические маркеры, отмечающие определенные логические или риторические ходы: *например, в общем, таким образом, кстати, между прочим* и т.д.;

2) показатели субъективной модальности – *наверное, кажется, конечно* и др.;

3) обращения к собеседнику, междометия-реакции, слова, поддерживающие контакт;

4) средства самокомментирования – обычно обороты, образуемые *говорить/сказать: иначе говоря, собственно говоря, так сказать, как говорится* и др.

5) десемантизированные элементы – «пустые» заполнители пауз колебания (*ну, вот* и др.).

Если союзы являются синтаксическими показателями связи пропозиций, то метатекстовые элементы могут рассматриваться как лексические – логические, модальные, диалогические, гезитационные.

Использование союзов, связывающих пропозиции, отмечается в речи всех информантов. В основном, это сочинительные союзы: *и, а, или, но*, однако встречаются и подчинительные: *чтобы, если, когда, как*. Все эти союзы (кроме, пожалуй, *и*) отмечают логические операции неэлементарного характера. Иногда они употребляются некорректно, что говорит о недостаточном владении механизмами синтаксической связи предложений:

1 инф.: Сейчас мне русский тяжело/ *чтобы* разговаривать;

6 инф.: Я собиралась научиться, *а* не знаю, как получится;

2 инф.: <...> хорошо/ когда/ по-русски знаешь // *которые* не знают/ я некоторые видел/ тому плохо.

Метатекстовые элементы также присутствуют в речи информантов. Логические маркеры встречаются не часто и не всегда употреблены корректно:

« – Есть ли у вас родственники среди русских?»

1 инф.: - Есть // *Например* дяди сын /его жену тоже русская;

3 инф.: По-русски я работаю/ мне кусок хлеба/ *например*/ а по-таджикски/ я разговариваю вместе друзей.

Их употребимость связана с жанром текста: в рассуждениях они более уместны и их обычно больше, чем в других жанрах (Федорова 2003), избыточное их использование создает эффект гиперкоррекции.

Показатели субъективной модальности еще более редки, но и это объясняется характером вопросов, среди которых немногие предполагают сомнения:

« – А кем бы Вы хотели работать в Москве?»

6 инф.: – Нэ знаю. Дворник, *навэрно*, чистить снэг.

Как маркеры диалогической связности отмечаются повторы ключевых слов:

« – А ваша семья осталась в Таджикистане?»

1 инф.: – *А-а-а/ семья ...* ;

« – Какую роль русский язык играет в вашей жизни?»

1 инф.: – *Роль// роль имеет самый главный...* .

Вставка самокомментирования встретила только у 2 информанта:

2 инф.: Мама/ у нас/ такая нет *как у вас говорят*// Женщина на домашней работе.

Наиболее частыми оказываются «пустые» вставки, оформляющие речевые колебания говорящего или стыки предложений в монологе; в этом случае они действуют как своего рода смазка речевого хода или как мостики между содержательными участками

речи, облегчая движение вперед:

1 инф.: После армия / *эта* / вернулся обратно выступил на педагогический институт // Пять лет закончил института / потом перешел на свой школа// Там учитель работал / и / председатель / *эта* / комсомола работал когда был Советский Союз / после / *эта* / мне выбрали замдиректора школа;

4 инф.: В тысяча девятьсот девяностом году я учился/ *вот*/ в Воронеже// Учился там /и-и-и кончил химбиологом// Образование у меня хорошее/ *ну*/ среднетехнический// У нас дома четыре брата и четыре сестра// *Ну-у-у* и все/ обращаются на русский языке// У нас / *ну как* / многонациональный...;

« – А как ты учил русский язык?»

3 инф.: – *Ну*/ раньше я знал...

Вставочные элементы показывают тенденцию к определенному стилю речи, к престижным для говорящего образцам:

5 инф.: Вот// Я учился до седьмого класса/ *конкретно*// После этого сразу приехал здесь.

Если для носителя языка подобные заполнители пауз обычно рассматриваются как паразиты, нарушающие чистоту языка (хотя они могут выполнять определенные метатекстовые функции), то для иноязычных говорящих владение принятыми способами заполнения пауз может поддерживать необходимый уровень связности и придавать речи разговорный характер. Чаще именно наличие подобных связок придает речи естественность, в то время как их отсутствие делает речь напряженной и воспринимается скорее как аномалия:

« – Как ты относишься к русскому языку?»

2 инф.: – Отношу нормально// Мне нравится// Хочу стараюсь/ пойти учиться// Свой документ привёз/ обещали помогать// немножко сложный русский говорить// Русский мне много что помогает// На автобусе ездить/ или/ время спрашивать.

Итак, для оценки связности речи можно использовать *индекс синтаксической связи* пропозиций S_{pr} , определяемый отношением числа союзов между пропозициями к числу пропозиций, а также *индекс метатекстовой оформленности* F_{pr} , условно определяемый долей несинтаксических связочных элементов.

Суммарный показатель *связности речи* обозначим R_{pr} :

Таблица 13

	1 инф.	2 инф.	3 инф.	4 инф.	5 инф.	6 инф.
Значения S_{pr}	0,16	0,21	0,22	0,13	0,20	0,17
Значения F_{pr}	0,16	0,04	0,17	0,25	0,20	0,11
Значения R_{pr}	0,32	0,25	0,39	0,38	0,40	0,28

Полученные значения суммарного показателя колеблются в диапазоне 0,20–0,40, т.е. на десять пропозиций приходится в среднем от 2 до 4 связочных элементов. Выделяются 2 и 6 информанты с относительно низкими показателями связности речи; для них же были характерны и наиболее короткие пропозиции. При этом обращает на себя внимание наименьшая доля вставочных элементов в речи 2 информанта, который младше всех (19 лет) и работает в России меньше других (3 года), если не считать только приехавшего 6 информанта. Можно предположить, что навыки метатекстового оформления высказываний приобретаются при достаточно большой речевой практике, которой не хватает 2 и 6 информантам. Соответственно, у них ниже степень речевой свободы.

5.2. Оценка речевой культуры

Речевая культура говорящего может оцениваться по отношению к нормам разговорной речи как в отношении грамотности, так и в отношении стилистических отклонений.

Долю пропозиций с нарушениями разного рода к общему числу пропозиций в речи отражает индекс M_{pr} (см. Таблицу 12), значения которого колеблются в значительных пределах: 0,20–0,67, т.е. речь информантов весьма неоднородна в этом отношении. Впрочем, если исключить крайние значения (у 5 и у 1 информантов) как менее характерные, средняя доля пропозиций с нарушениями равна 0,46–0,47, т.е. около половины. Эта величина, по-видимому, характеризует более или менее стабильный уровень нарушений в данном речевом варианте русского языка. Несомненно, это лишь очень предварительная оценка.

Другой параметр оценки речевой культуры – характер стилистических отклонений. В разговорной речи образованных носителей языка на фоне нейтральной и разговорной лексики нормальны включения иностилевых элементов – книжных или, напротив, сниженно-разговорных, обусловленных ситуацией речи. Обычно они не нарушают общего стиля, но являются маркерами, указывающими тяготение к сниженной или завышенной речи. Однако при значительной доле таких включений или при использовании вульгарно-просторечных выражений отклонения оказываются ниже допустимых границ и могут менять общую оценку стиля речи.

Не пытаясь провести полный стилистический анализ, отметим некоторые предпочтения в выборе союзов и метатекстовых маркеров, которые показывают тяготение к определенным речевым стандартам. Так, союз и частица «а» выступает обычно маркером разговорности, отмечая лишь наличие связи между высказываниями, в то время как подчинительные союзы передают характер связи и делают речь более организованной, логически оформленной (3 информант использует только союз «а», в то время как 2 информант – только подчинительные союзы). Заполнитель пауз «эта» – разговорно-просторечный (1 информант); «ну» (встречается почти у всех) может иметь сниженно-разговорный или жаргонный оттенок. Вставочный элемент типа «конкретно» (5 информант) характерен для «новорусского» жаргонного просторечия.

Заполнители пауз снижают чистоту речи, так что об уровне речевой культуры можно судить и по их количеству: отметим, что в речи самого молодого 2 информанта они отсутствуют, в речи 6 минимальны, а в речи 4 информанта их наибольшее число. Уровень чистоты речи коррелирует с большим вниманием к собственной речи и с меньшей степенью речевой свободы. Ранее У. Лабов, отмечая социально-стилистический характер некоторых фонетических переменных, определял стиль по степени внимания говорящего к собственной речи; так, по его наблюдениям, тщательно следящий за своей речью водопроводчик мало отличается от небрежно говорящего представителя высших слоев среднего класса (Лабов 1975). Видимо, количество заполнителей пауз также может служить социально-стилистической переменной; ее определенные значения могут указывать и на степень внимания к речи, и на те социальные группы, для кого они более характерны и на чью речь ориентируются иммигранты.

Обращают на себя внимание и другие стилистические нарушения:

5 инф.: *Тута* свободно можешь гулять – просторечие;

6 инф.: А здесь можно работать, *деньги* туда *кидать*, семья кормить – современный обиходный жаргон.

Таким образом, в аспекте речевой культуры между информантами наблюдаются определенные различия по уровню грамотности, а также отличия по чистоте речи, возможно, связанные с ограничением речевой свободы.

5.3. Общая оценка употребления русского языка по анализу коммуникативной компетенции информантов

Оценка речевой культуры и речевой свободы, конечно, является индивидуальной ха-

рактикой говорящего, как и его лингвистическая компетенция. Однако в общем описании контактного варианта русского языка она отмечает некоторые типичные особенности речевого употребления. К ним можно отнести:

- 1) достаточно высокую и устойчивую долю высказываний с нарушениями грамматической и лексической нормы;
- 2) пропуски анафорических местоимений и связочных глаголов;
- 3) не вполне корректное использование показателей связи при достаточно высокой связности речи;
- 4) заполнение пауз колебания преимущественно разговорно-просторечными маркерами.

6. Выводы и перспективы

Полученные результаты анализа употребления русского языка иноязычными информантами, конечно, имеют лишь очень предварительный характер. Тем не менее уровень «базового разнообразия», предполагаемый для усвоения второго языка иммигрантами, обнаруживает некоторые особенности, возможно, связанные с интерференцией и с симплификацией: это стабильная нейтрализация словоизменительных категорий падежа, рода, числа, в особенности у прилагательных, пропуски предлогов, пропуски анафорических маркеров и глагольных связок в структуре предложения. Закрепленный характер имеют и лексические особенности: паронимические ошибки (преимущественно в глаголах и числительных), заполнение пауз хезитации разговорными маркерами.

Поскольку информанты имеют достаточно длительную речевую практику (кроме 6 информанта), можно предположить, что отмеченные особенности отражают сформировавшуюся структуру и узус «таджикского» контактного варианта русского языка с переменными правилами, допускающими отклонения в рамках «базового разнообразия».

Эти предварительные результаты, несомненно, нуждаются в подтверждении и уточнении. Тем самым может быть проверена и эффективность предложенной модели анализа.

Литература

- Беликов, В.И. & Крысин, Л.П.: 2001, *Социолингвистика*, Москва.
- Вежбицка, А.: 1978, 'Метатекст в тексте', *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста*, Москва, 402–421.
- Изенберг, Х.: 1978, 'О предмете лингвистической теории текста', *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста*, Москва, 43–56.
- Лабов, У.: 1975, 'Исследование языка в его социальном контексте', *Новое в лингвистике. Вып. VII: Социолингвистика*, Москва, 96–181.
- Протасова, Е.Ю. & Родина, Н.М.: 2005, *Многоязычие в детском возрасте*, Санкт-Петербург: Златоуст.
- Стрельцова, Я.Р.: 2009, 'Трудовая миграция из стран СНГ: Что изменилось?' *Россия и современный мир*, 3, 62–72.
- Федорова, Л.Л.: 1980, 'Некоторые направления исследований в американской лингвистике', *Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики*, вып. 9, Москва, 210–231.
- Федорова, Л.Л.: 1983, 'О двух референтных планах диалога', *Вопросы языкознания*, № 5, 97–101.
- Федорова, Л.Л.: 2003, 'Речевая свобода и логическая организация в устной и естественной письменной речи', *Естественная письменная устная речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч.II. Теория и практика современной письменной речи. Материалы конференции*, Барнаул.
- Федорова, Л.Л.: 2005, 'Грамматика диалога: основные категории', *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005*, Москва, 482–486.
- Hymes, D.: 1974, *Foundations in Sociolinguistics*, Philadelphia University Press.
- Klein, W. & Perdue, C.: 1997, 'The Basic Variety (or: Couldn't natural languages be much simpler?)',

Second Language Research, 13, 301–347.
Saville-Troike, M.: 2003, *The Ethnography of Communication*, Malden, MA: Blackwell Publishing.